

Россия, 2027

Защищенные избы

Мухоморные границы

Места перманентных волн

Ключевые объекты

Пораженные зоны

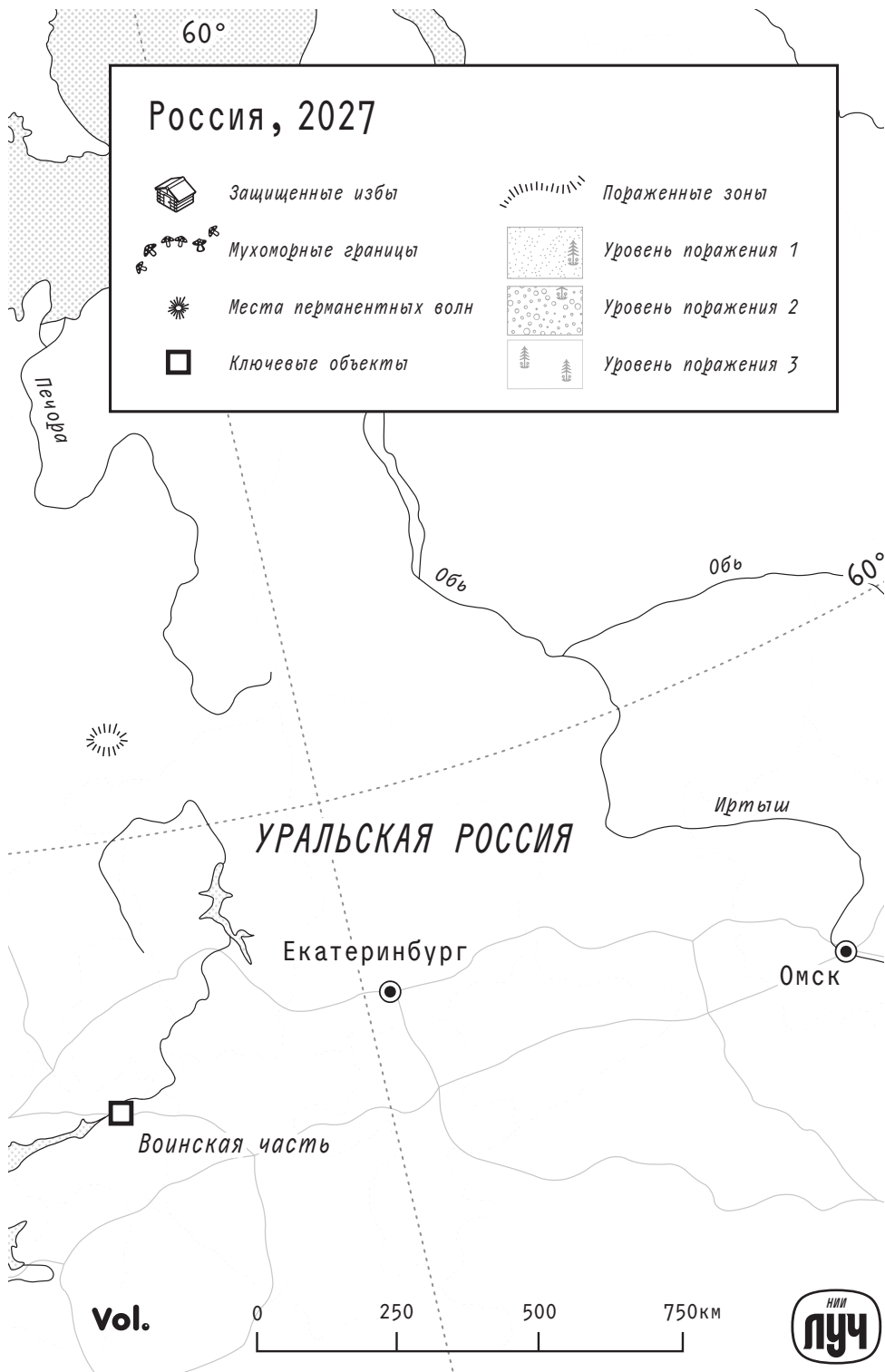
Уровень поражения 1

Уровень поражения 2

Уровень поражения 3

Даниил Туровский

ЛУЧ

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6
Т88

Т88 Туrowsкий, Даниил.
Луч [роман] / Даниил Туrowsкий. — М.: Individuum, Эксмо,
2026. — 368 с.

ISBN 978-5-04-223674-7

После крупнейшей в истории катастрофы на месте Москвы появляется бьющий в небо фиолетовый Луч. С каждым днем он распространяется все дальше, копируя один и тот же участок Битцевского леса с юга столицы. Немногие выжившие на зараженных территориях сталкиваются с существами из восточноевропейского фольклора и галлюцинациями, заставляющими проживать трагические события из российской истории. Научно-исследовательский институт отправляет в лес экспедиции, чтобы добраться до эпицентра и раскрыть природу Луча. В институте начинает учебу группа подростков с устойчивостью к галлюцинациям. Вскоре они сталкиваются с прошлым, которое заставляет переосмыслить катастрофу.

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6

Vol.

ISBN 978-5-04-223674-7

© Даниил Туrowsкий, 2026
© ООО «Издательство «Эксмо», 2026
Individuum®

Оглавление

1. Краматорский инцидент	7
2. НИИ «Луч», 2027 год	30
3. Уроки	44
4. Экспедиция в Санкт-Петербург	67
5. Колобок	102
6. Чаща	143
7. Письмо из Битцевского леса	180
8. Худшие люди в мире	189
9. Уральская Россия	218
10. Разрыв	234
11. Лагерь	239
12. Предатели	262
13. Ностальгия	271
14. Внутри, осень 2027 года	312
15. Сказки, катастрофы	332
16. Спасибо что накормили	343
<i>Необходимое послесловие</i>	363
<i>Источники</i>	365

1. Краматорский инцидент

«Выброс Луча (в народе – «Магический Чернобыль») – крупнейшая катастрофа в истории человечества. Произошла 22 июня 2022 года. В ее результате были полностью уничтожены Москва и большая часть центральной России. Огромные территории оказались в зоне поражения и заражены Лучом. Из-за катастрофы одновременно погибли более 20 миллионов человек, более 50 миллионов стали беженцами.

Страны, не затронутые катастрофой, сразу начали помогать пораженным регионам гуманитарной помощью и принимать беженцев. Их количество кардинально изменило жизнь европейских государств, в которых и так были накалены антимигрантские настроения. Из-за уничтожения посевных, мест добычи полезных ископаемых и транспортной инфраструктуры во многих частях мира начался голод и проблемы с энергетикой.

Зараженные Лучом российские территории и города за три года после катастрофы почти полностью заросли лесом. Исследователи катастрофы предполагают, что Луч копирует один и тот же Битцевский лес с юга Москвы, где, как считается, находился эпицентр.

Подсчитано, что Битцевский лес – со всеми его холмами, канавами, обрывами, дзотами времен Второй мировой войны, ручьями, буераками, родниками, лавочками, кормушками, тропами – скопирован на зараженных территориях уже больше сорока тысяч раз. С каждым днем лес распространяется все дальше.

Особую опасность представляют галлюцинации, появляющиеся на зараженных Лучом территориях. Их природа, как и природа самого Луча, на настоящий момент остаются загадкой и изучаются в НИИ «Луч» в Мурманской области. Неофициально многие считают, что Луч – это первое проявление магии в нашем мире...»

Настя Лозова вздохнула, убрала за ухо черную прядь невымытых волос, перечеркнула красной ручкой последнее предложение сочинения и сверху написала: «Ссылка? Нет доказательств». Сложила тетради учеников в стопочку, убрала в рюкзак.

Девушка сидела на пеньке на ромашковой поляне в том самом зараженном лесу. Сейчас в нем не происходило ничего необычного; трое ее коллег бегали рядом, играя во фрисби. Шел четвертый день их экспедиции. Настя взглянула на наручные часы: десять вечера. Как и всегда в последние два года, стояла фиолетовая ночь, и было на несколько градусов теплее, чем в долучевские годы. Палатки и костер они расположили на холме. Отсюда, в случае чего, удобнее будет отбиваться от галлюцинаций.

Настя и в свою пятьдесят первую экспедицию не могла оторваться от Луча, нависшего над горизонтом, словно неподвижный взрыв. С холма его не закрывали деревья, Луч нависал над ней, давил своим присутствием, хоть и находился в сотнях и сотнях километрах. Как осознать, что такое появилось в нашем мире? И, кажется, до него даже можно дойти?

Луч — гигантская колонна пульсирующего фиолетового света шириной с город (20–30 километров в диаметре) и высотой в небо (50–60 километров) — светился, будто второе Солнце.

* * *

Все четыре дня экспедиция шла вдоль Ладожского озера — у воды обычно было безопаснее. Волны галлюцинаций если и случались, то не сильные.

Следом за Настей шли Кирилл (55 лет, из Нижнего Новгорода, исследователь Луча, знаток славянских сказок и мифов, преподаватель НИИ «Луч»), Макс (20 лет, военный из США), Джулия (23 года, военная и медик из Франции). В этот раз конечную точку экспедиции наметили дальше обычного: до «Русского музея» в Санкт-Петербурге, где вроде бы должны храниться картины и архивы художника Ивана Билибина из цикла про сказки. Руководство НИИ решило, что такой архив поможет следующим экспедициям продвинуться ближе к Лучу, раз экспедиции часто сталкиваются с галлюцинациями из этих самых сказок.

Три месяца назад на одну из экспедиций около Великого Новгорода напали лешие. Спасся только Макс, попавший теперь в группу Насти. Вернувшись, он рассказал, что не смог защитить остальных, потому что патроны в его «Мухоморе» закончились уже на втором лешем. Обычно патронов (переработанных галлюциногенных мухоморов, которые при выстреле взрываются около существа-галлюцинации и растворяют его) хватало, но лешие слишком резко бегали и прятались, а оружие оказалось почему-то только у Макса. Из-за этого эпизода в следующие экспедиции решили брать специалиста по приготовлению дополнительных патронов из лесных мухоморов. Так к ним присоединилась Джулия.

Кирилл, всю жизнь изучавший славянские сказки, в дороге бухтел, что еще год назад написал для НИИ инструкции по всем известным сказочным существам, но теперь все равно пришлось идти в Русский музей, чтобы внимательнее присмотреться к архивам: вдруг там найдется что-то, что он мог пропустить? Сам же Кирилл считал рисунки Билибина упрощающими то, что в действительности содержится в сказках.

Макс и Джулия шли чуть впереди, заигрывая и переговариваясь на английском. Настя и Кирилл, обсудив Билибина, шли молча и оба думали про контрольные работы своих учеников

(Настя иногда преподавала в школах историю страны после катастрофы Луча, рассказывала о ее последствиях; Кирилл — историю сказок).

Тропинка сузилась, пришлось идти друг за другом мимо крапивы. Настя и Кирилл тут же вспомнили прыжки в крапиву из «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен». Макс и Джулия, чтобы не обжечься, шли, прижав руки к телу.

Когда группа почти прошла крапивную поляну, запахло крыжовником. Приближалась волна галлюцинаций Луча.

* * *

Исследователи остановились, Макс вытащил из кобуры «Мухомор». Джулия тоже, напомнив остальным, что у нее достаточно запасных патронов. Настя сняла с плеча «Вколбитель» — винтовку с емкостью, в которую при удаче можно поймать галлюцинацию для дальнейшего изучения. Она не всегда срабатывала. А если поймать получалось, то иногда галлюцинации стухали до возвращения в НИИ.

Крапивная тропинка вывела их к берегу озера. Там они и остановились, дожидаясь волны Луча. Несколько минут ничего не происходило. Ветер донес еще более насыщенный запах крыжовника.

Из озера показались две большие зеленоватые головы с рогами, покрытые ландышами и какой-то травой. За головами вылезли худощавые до ребер тела.

— Черти водяные, — шепнул Кирилл.

Один из них зарычал. Макс выстрелил из «Мухомора» четыре раза, попав в каждого по два раза. Черти рыкнули и растворились. От разрывных патронов в воздухе повисли небольшие красно-белые облачка.

— Хорошо, но давайте в следующий раз не так быстро, — сказала Настя, показав на «Вколбитель».

— Ок, капитан. — Макс немного обиделся. — Но моя задача — вас максимально защищать.

Настя это прекрасно понимала и помнила, что Макс недавно еле выбрался из другого боя с галлюцинациями и, наверное, винил себя в гибели участников экспедиции.

— Ты прав, — сказала она. — Да и этих чертей в нашей базе уже штук тридцать. Идем дальше. Надо бы до обеда добратсья к избе № 17. Джулия, сколько еще до нее?

— *Probably five hours or a little more.* Часов пять.

— Хорошо.

— Господа, а что вы знаете о водяных чертях? — спросил Кирилл, готовясь рассказать пару любимых баек. О том, что, согласно статистике, такие черти чаще всего гибнут от колес водяных мельниц, под которыми они селятся. Или про то, что у таких чертей есть царь, который умеет летать на черной туче.

— Да всё, — сказал Макс. — Самые скучные. И легкие.

* * *

Вечером свет солнца и свет Луча перемешались: небо, лес, листва, трава окрасились в оранжево-фиолетовые оттенки. Настя в такие часы старалась побольше оглядываться и рассматривать все вокруг: как же такое возможно?

Классно, когда к этому времени ей удавалось закончить все учительские и исследовательские дела (отметить новые тропы, взять пробы почвы в незнакомой части зараженного леса, описать новые галлюцинации). В такие моменты Настя думала о том, что каждая успешная экспедиция приближает — хоть и совсем немного — конец, исчезновение Луча. Они ведь для этого всё это изучают, жертвуют людьми и вообще создали НИИ? И, значит, при успехе этих странных оранжево-фиолетовых вечеров больше не будет?

После встречи с чертями они отошли от берега и вышли на бывшую трассу Р-21 до Санкт-Петербурга. Лес давно захватил и ее, почти везде проросли деревья, но местами асфальт сохранился, по нему получалось идти быстрее.

Макс и Джулия снова шли впереди. Он нес одну из ее сумок и явно хотел взять за руку. Настю порадовала такая школьная невинность. Кирилл всю дорогу рассказывал ей очевидные факты о чертях. Она его не останавливала. В болтовне знаток сказок чувствовал себя спокойнее, а нервный и тревожный исследователь ей в экспедиции точно был не нужен. Настя ему поддакивала, вспоминая, как рубила чертей в видеоиграх, в прошлой жизни, в которой она работала журналисткой, жила в центре Москвы (уезжая в бесконечные командировки по стране, что, в общем, и спасло ее, когда случился выброс Луча, а она в Сибири собирала материалы для исторического репортажа о взрыве двух пассажирских поездов в 1989 году).

Уже совсем к ночи им попалась заброшенная автозаправка с придорожным кафе «Берлога»: двухэтажный дом, отделанный белым сайдингом, сквозь крышу которого торчала пара деревьев, над входной дверью висела фотография бурого медведя.

— Это дайнер? — спросил Макс.

— Вроде того, — сказала Настя.

— Ох, я бы сейчас пару лет жизни отдал за панкейки с кленовым сиропом.

— А я бы за котлету, — сказал Кирилл. — С пюрешкой. Без комочков только.

— Под «Все для тебя», конечно. — усмехнулась Настя. — Давайте пойдем.

На двери висела цепь с замком. Макс оглянулся на Настю, та кивнула. Военный достал пистолет, выстрелил в замок, цепь упала. Хотя помещение и закрыли, сразу стало понятно, что убегали отсюда спешно: на столах, покрытых цветными

клееными скатертями, стояли тарелки с засохшей едой; на деревянной барной стойке остались три открытых бутылки вина.

Судя по отчетам НИИ, население с этих территорий начали эвакуировать на второй день Луча. Точнее, люди сами начали эвакуироваться, потому что никаких властей после моментального уничтожения Москвы не осталось. Отсюда бежали в сторону Карелии, потом в Финляндию и балтийские страны, кто куда мог.

Исследователи уселись за один из чистых столов. Кирилл сразу же достал пластиковые коробки с перекусом, Макс — бутылку витаминизированной воды.

— Макс, дашь аккумулятор? — спросила Настя.

— Ага. Зачем? Может, сначала поедим?

— Да я ща, быстренько.

— Окей.

Военный открыл рюкзак, покопался, вытащил на стол пару футболок, антидоты, фонарь, спальный мешок, презервативы (Джулия тут же покраснела). Аккумуляторная батарейка с оголенными проводами оказалась на самом дне.

— Вот.

— Идеально. Спасибочки. — Настя взяла батарейку и скрылась за барной стойкой. Кирилл нарезал салат из огурцов и помидоров. Макс засунул вещи обратно в рюкзак.

— *This place is beautiful in its own way**, — сказала Джулия.

— *Yeab, kind of*, — сказал Макс и протянул ей воду. — *Wanna?***

В подвешенных к потолку колонках зашуршало, зазвучала песня: «Ты ругаешь дождь, лужи на асфальте. Ты стоишь и ждешь, и намокло платье». Настя, очень довольная, вернулась за стол.

* «Это место по-своему прекрасно» (англ.).

** «Ага, вроде того. Хочешь?» (англ.).

* * *

Настя, Макс и Джулия немного потанцевали, скорее немного покачались посреди комнаты. Кирилл посмотрел со стороны, а потом уткнулся в книжку Афанасьева. Вместо цветомузыки вполне подошел фиолетовый свет Луча, он падал на тканевые занавески и отбрасывал узорные тени. Когда альбом «Иванушек» закончился, Настя предложила заночевать тут же, в ресторане. Джулия обрадовалась, Кирилл раздвинул столы, чтобы освободить место для спальников.

— Но это же не изолированная изба, это не по инструкции. — сказал Макс, показывая на дыры в крыше. — До изолированной идти три часа, я думаю.

Настя понимала, что он снова прав и заночевать лучше в одной из таких изб, которые сотрудники НИИ строили в зараженном лесу. Избы защищали от проникновения галлюцинаций Луча с помощью полной изоляции от любых запахов и ветра (в основном — несколькими слоями монтажной пены и скотча). Как писалось в инструкциях НИИ: «По мере того как исследователи углублялись в зону заражения, они всё чаще сталкивались с опасностями в виде сильных галлюцинаций. Вскоре стало понятно, что, для того чтобы выжить, необходимы безопасные места, где можно было бы отдохнуть без рисков. Тогда сотрудникам НИИ „Луч“ пришла идея строить небольшие избы в важных точках зараженной территории. В избах размещали запасы еды на несколько дней, воду, antidоты, патроны. Так стали делать после эпизода, когда группе пришлось четыре дня ждать в избе, потому что волна Луча все это время находилась вокруг нее. Используя избы как своеобразные форты, можно глубже продвигаться на зараженную территорию».

— Давайте все-таки здесь попробуем найти изолированную комнату. — предложила Настя, которая чувствовала, что

еще три часа дороги сегодня не осилит. — Конечно, я не в этом зале предлагаю.

Исследователи прошлись по помещениям «Берлоги». Безопаснее всего выглядел подвал-склад. Они закрыли дверь, прислушались, облизали пальцы и подняли над собой. Вроде не чувствовалось никакого движения воздуха или работы вентиляции, которая могла бы принести волны галлюцинаций. Пахло только затхлостью и землей.

Макс одобрил. Они с Джулией разложили спальные в за-кутке около коробок с сахаром, мукой, макаронами. Настя легла около коробок с чипсами.

— Всем доброй ночи. — сказала она.

Макс с Джулией зашумелись. Из-за стеллажа, где прилег Кирилл, донесся хлопок открытия банки.

— Черносмородиновое варенье. — объяснил он шепотом. — На хлебушек.

Макс и Джулия обсуждали что-то смешное. Кирилл причмокивал бутербродом.

В полудреме Настя почувствовала запах ягод.

* * *

Я не ждал ничего хорошего. И, когда в середине дня меня позвали к телефону («звонит твоя жена, говорит, по очень срочному делу»), уже знал, что дальше будет только хуже, никакой больше привычной жизни, какой мы хотели нашей семьей, приехав сюда, в Краматорск.

Я зашел в кабинет бухгалтера, взял трубку. Жена тихо и совсем без слез сказала, что пришли анализы сына — точно лейкоз. Я ответил, что мы обязательно справимся, вечером все обсудим, люблю.

Я кое-как поковырялся в проекте очередной теплоотводящей трубы, потом вышел с производства, сел в автобус, доехал до нашей девятиэтажки на Гвардейцев-Кантемировцев.

Юля сидела в детской, которую делили наши сыновья. Старший — Максимка — лежал в своей кровати в одних трусах, без одеяла. Он сильно вспотел, одновременно дрожал, выглядел еще более худым, чем утром, когда я видел его перед работой. Юля сидела рядом с ним на стуле, гладила по голове. Наш младшенький — Кирилл — сидел на своей кровати напротив, не сводя глаз с брата. Мне показалось, что он тоже похудел, а глаза стали больше.

— Никит. — Юля посмотрела на меня. Сейчас заплачет. Любимая. Добрая. Самая ценная. Я подошел, обнял, тоже погладил Максимку по голове.

Максимка начал странно, а потом совсем плохо себя чувствовать месяца через три, как мы переехали. Меня перевели в Краматорск на машиностроительный завод и выделили квартиру. Все казалось идиллией: наконец свое жильё, не коммуналка, мы вместе катались на велосипедах по микрорайону, обустроивали дом, изучали город, работа оказалась еще интереснее, чем я предполагал. А теперь — бесконечный кошмар. У меня не получалось ни жить, ни работать: я думал только о Максимке. Выглядел он совсем плохо. И диагноз такой, что пора готовиться.

Я взял Юлю за руку, мы вышли на кухню.

— Анализы такие. Что нам делать, Никит? Почему? Всего пятнадцать лет.

Я прижал ее сильнее.

— Сказали, что стадия такая, что уже всё. Две недели. Может, меньше. Ты видел? Он дрожит и горит. И ничего нельзя сделать. Никаких препаратов, чтобы хоть стало полегче, в этом городе нет. Господи. Господи.

— Если бы он, тварь, существовал, такого бы с Максимкой не случилось.

Мы вернулись в детскую. Максимка и Кирилл спали. В комнате появился странный запах затхлости и земли, но быстро исчез. Наверное, мне показалось. Я погладил сыновей. Доброй ночи, малыши, спите до полуночи, потом пойдем камушки ворочать.

* * *

Утром у Максимки появились силы выйти на завтрак. Вчетвером мы еле помещались на кухне, но как-то получалось. Утренние сырники с чаем казались отличной традицией, которую мы решили ввести, как только переехали. Сегодня поели молча.

Только Кирилл спросил, можно ли не идти в школу («голова болит»), но я знал, что у него сегодня намечалась контрольная по алгебре, а голова в таких случаях болела каждый раз.

— Но у меня правда болит, вот тут. — он показал на лоб.

— Я дам таблетку. — сказала Юля. — Пойдем собираться.

Кирилл закрыл лицо руками. Все уже доели, у Максимки в тарелке все еще лежали два сырника из трех. Я погладил его, тоже пошел собираться. Сказал Юле, что постараюсь вернуться с работы пораньше.

Кнопку лифта опять кто-то расплавил зажигалкой, лампочка на потолке почти не светила. Я сбегал четыре лестничных пролета. Я ничего не мог сделать. Он умрет. Мы попытаемся жить дальше. В этой же квартире, в этом же городе. Я буду снова доезжать до завода на этом автобусе следующие двадцать с чем-то лет, до пенсии, отрабатывать в проектной цехе, возвращаться на этом же автобусе, идти по вытоптанной тропинке вдоль пятиэтажки, поворачивать за гаражи, еще три минуты вдоль школы, через калитку, через двор с березами, в подъезд, видеть сгоревшую кнопку лифта, потом нашу дверь, нашу квартиру, где почти все, кроме сына.

В цехе пока было немногочисленно. Правда, сотрудников вообще сейчас трудилось процентов тридцать от лучших времен — мир вокруг трясло, страну тоже. Я отработал пару часов, взялся за новые чертежи, когда меня снова попросили к телефону. Бухгалтер пошутила, что пора его провести прямо до моего рабочего места, раз мне звонят чаще, чем ей. Максимке стало хуже? Или... Я взял

трубку. Юля сказала, что Кирилл потерял сознание на уроке и сейчас его привезли в больницу. Она едет к нему.

*** * ***

В регистратуре больницы почему-то пахло не тряпками, а раздавленной черной смородиной. Бабка на регистратуре отказалась меня впускать, сказав, что раз мама ребенка там, то я могу идти обратно на работу.

Я спросила, не охуела ли она, и прошла мимо нее к палатам. Бабка не сказала ни слова. В коридоре перед палатой почему-то стояли обеденные столы, на паре из них остались тарелки с застывшей едой. Заходя в палату, я обернулся на коридор: никаких столов. Стресс, стресс, стресс. Стояли, наверное, в другой комнате, не в коридоре. Или мне вообще показалось.

Юля сидела рядом с Кириллом. В палате лежали еще шестеро детей. Кирилл выглядел бледным, явно ничего не симулировал. Юля сказала, что у него уже взяли кровь, анализы выглядят подозрительно, отправят на дополнительное исследование, результаты будут завтра или послезавтра. Лучше пока остаться в больнице. Мы немного молча посидели, я сказал Кириллу, что все будет хорошо и скоро поедем домой. Решили, что Юля останется до вечера тут, а мне лучше к Максимке, который в квартире один.

*** * ***

Максимка умер. Когда я зашел в детскую, он выглядел худым, как ветка. И никакого пота. Похороны назначили через день. Когда гробик Максимки вынесли в подъезд, появились соседи. Хорошие бабулька с дедулькой, всегда здоровались и угощали пирогом с капустой. Бабулька запричитала и зарыдала, дедулька подошел ко мне.

— Это проклятие или что? — сказал он.

— Что?

— Да не знаю, как сказать, все сгорают, как спички, и вашенький сгорел. — сказал он, посмотрел на гробик. — Семья тут жила до вас. Лет десять назад заселились, вместе с нами, как только дом сдали в 1980-х. Мама, дочка, сын. Где их папаня был, я не знаю, никогда не появлялся. Они вроде неплохо жили, обустроивались, ребятишки быстро росли, к нам иногда заходили. У нас детей нет, не вышло, поэтому радовались. А потом через года так два один за одним померли. Говорили, рак крови какой-то. Ходили худые, потом уже перестали ходить. Моя бабка с матерью ихней говорила. Та спрашивала врачей, почему все трое заболели, лейкоз же не передается, как грипп? Им говорили, что наследственное. В конце уже лежали в больнице, в нашей заводской. Бабка моя предлагала отвары им, но все сами умные, ихняя мать говорила, что это все ерунда. Мать умерла последней, пережив дочу и сына. Года через два после дочки. Но померла она еще раньше, ходила уже тенью. Померла и квартира вам на радость освободилась. А получается теперь у нас — похоронный подъезд. Лучшие бы свадьбы, а только похороны.

— Не знаю, — сказал я, плохо соображая, почти не вслушиваясь в его слова.

— Проклятие, проклятие.

Юля в черном платье обнимала гробик. Кирилл стоял рядом, совсем слабый, но упросил его выписать на прощание со старшим братом. Его анализы еще не пришли.

* * *

Кирильчика вернули в больницу, анализы тоже показали лейкоз. Юля больше не разговаривала. Я уже перестал крутить в голове одни и те же вопросы. Почему мы? Они же только начали жить? Если бы не это все, мы могли бы ценить жизнь? Почему я не могу помочь? Почему врачи не могут помочь — раз у нас самая лучшая медицина? Как мы всё это выдержим?

Дня через три после похорон я сидел в кресле, мысленно путешествуя по лабиринтам обоев на стене. Везде заходил в тупики. Уродливые ненужные коричневые обои. Я подошел к ним, подцепил уголок, потянул на себя. Обои легко отошли. Дернул еще, потом еще. Когда подцеплял следующий уголок, под ноготь попал кусок то ли побелки, то ли бетона. Пошла кровь. Я почувствовал ее металлический запах.

** * **

Настя почувствовала ее резкий металлический запах. Она была не в подвале придорожного кафе, а в незнакомой, бедно обставленной квартире. Посмотрела на руки — мужские, из пальца капает кровь. Подошла к окну, за ним находился неизвестный небольшой город, застроенный одинаковыми домами; много где виднелись производственные трубы.

Настя почувствовала покалывание в пальце, но еще более было где-то внутри нее самой — все сжималось от полной безысходности и омертвения. В комнате, помимо крови, пахло, будто тут варили несколько пятилитровых кастрюль черносмородинового варенья. Она поняла, что находилась в такой сильной и странной галлюцинации, каких они еще не фиксировали.

** * **

Где Кирилл? Макс? Джулия?

Настя вышла из комнаты с оторванными обоями и оказалась на кухне. Женщина в черном платье стояла за плитой, помещивая макароны.

— Привет.

Женщина повернулась.

— Я... Ты понимаешь, что это все нереально? — спросила Настя.